

1. Одному из авторов статьи однажды случилось обсуждать некоторую русскую конструкцию с коллегой-лингвистом. Происходил спор, который нередко случается между говорящими, особенно обремененными филологическим образованием: правильно ли так сказать по-русски? Автор говорил, что так сказать нельзя, коллега утверждала, что можно. Особенностью этого разговора было подсознательное, но вполне определенное убеждение автора, что его собеседница имеет меньше прав доверять своей языковой интуиции, чем он. Казалось странным, что она вообще вступила в этот спор и настаивает на своей точке зрения. Коллега была дагестанкой, сравнительно недавно переехавшей из Махачкалы в Москву. Ее безупречный русский язык, отсутствие акцента и владение всем арсеналом языковых средств, какой характерен не просто для носителя языка, но для филолога и ученого, оказались недостаточны для того, чтобы признать ее право на интуицию носителя русского языка. Между тем у нее, с детства владеющей русским языком, использовавшей его в школе, в университете, на работе и в быту, никаких сомнений в собственной компетентности возникнуть не могло. Осознав все это, автор испытал легкий стыд – и задумался.

Дагестан является частью Российской Федерации. Русский язык преподается во всех дагестанских школах, он является основным языком среднего специального образования и единственным языком, на котором дагестанец может получить высшее образование. Еще важнее то, что русский язык играет в Дагестане роль *lingua franca*. Как известно, Дагестан представляет собой многонациональное и многоязычное сообщество. По разным оценкам, здесь говорят на 30 - 40 языках, причем 14 из них (включая русский) признаны государственными. Сегодня, встречаясь друг с другом, представители разных этнических групп, как правило, говорят по-русски. Причина этого – не только в массовом владении русским языком, но и в том, что выбор русского языка означает выбор нейтральный, не рискующий задеть этническое самолюбие собеседника.

Основная территория русского языка в сегодняшнем Дагестане – города. Если для сельской местности по-прежнему характерно расселение по этническому и, тем самым, языковому принципу, то в города съезжаются отовсюду. В автобусе, на рынке, в магазине и на пляже Махачкалы слышна преимущественно русская речь. И, что особенно важно, дети, которые рождаются в крупных городах, очень часто полноценно владеют лишь одним языком - русским.

Попытаемся представить себе, как формируется русский язык населения этой части России. Вот типичная модель семьи, в которой произошел переход с одного из местных языков на русский. Родители выросли в селе, и тем самым их родным языком и основным языком общения до окончания школы почти наверняка был один из языков Дагестана. Русский язык они учили в школе, смотрели русскоязычные телевизионные каналы. Он является для них вторым, неродным языком, хотя, как правило, освоенным до уровня совершенно свободного владения. Их ребенок, родившийся уже в городе, редко вырастает полноценным носителем «родительского» языка – русскоязычная городская среда формирует привычку и желание говорить именно по-русски. Нередко и сами родители, желая помочь ребенку социально адаптироваться, говорят с ним по-русски. А если мать и отец принадлежат к разным дагестанским этносам и не владеют языками друг друга, то русский окажется единственным языком семейного общения. Таким образом, этот выросший в городе дагестанец становится полноправным носителем русского языка. Под «полноправностью» мы имеем в виду то, что это его единственный язык, язык, усвоенный им с детства.

Нетрудно предположить, что его речь будет значительно отличаться от той, которую усваивает ребенок, родившийся, например, в Москве. В социальном окружении городского дагестанца – начиная с родителей и кончая школьными учителями –

практически отсутствуют носители той русской речи, которую мы называем литературной. Он усваивает русский язык преимущественно от людей, для которых этот язык является вторым, в некотором смысле – иностранным и потому несущим следы других, материнских языков.

Мы наблюдаем, таким образом, стремительно увеличивающееся число носителей русского языка, речь которых обладает специфическими чертами, своим происхождением обязанными постоянному влиянию языков совершенно другого строя. Кто-то, конечно, может назвать этот процесс искажением русского языка, его порчей или деградацией. Но мы понимаем это иначе: как возникновение нового варианта русской речи, того, что в учебниках по социолингвистике называется этнолектом (Беликов, Крысин 2001: 24), региональным вариантом или даже диалектом. То, что происходит сегодня в Дагестане с русским языком, едва ли можно рассматривать как процесс утраты или деградации языка уже потому, что стандартная русская речь никогда и не была свойственна этому населению России. Дагестан заговорил по-русски сравнительно недавно (в 19-м – 20-м вв.) и, в отличие от многих других регионов, где количество говорящих по-русски сокращается, на данный момент является территорией активного распространения русского языка. Эта ситуация, разумеется, является драматической с точки зрения сохранности дагестанских языков. Однако для русиста речь может идти только о приобретении: о рождении нового варианта русского языка, причем в такой момент, когда лингвисты в основном заняты подсчетом потерь.

Едва ли у нас есть основания всерьез ожидать, что этот вариант русской речи чудесным образом «исправится», утратит свои региональные черты и Дагестан явит нам образец литературной русской речи – даже если на это будут потрачены миллионы федеральной программы «Русский язык». Этих оснований нет прежде всего потому, что процесс языкового сдвига, перехода с местных языков на русский, идет активнее, чем когда-либо, и количество носителей русского языка первого поколения только возрастает; тем самым, не ослабевают и процессы влияния на русский местных дагестанских языков.

Между тем с точки зрения лингвиста этот феномен представляет огромный интерес. Часто ли нам, привычно горюющим об утрате диалектов и малых языков, удастся присутствовать при рождении нового варианта языка? Нам дана возможность наблюдать взаимодействие языков разных языковых семей (индоевропейской, нахско-дагестанской, тюркской), обладающих огромными различиями на всех уровнях, от фонетики до синтаксиса. Что может представлять собой дитя столь непохожих родителей? Такими вопросами давно занимается контактная лингвистика; в первую очередь, на материале так называемых пиджинов и креольских языков (классическая работа на эту тему - Thomason & Kaufman 1988). Но наш объект нельзя назвать ни пиджином, ни креольским, ни даже смешанным языком: он будет опознан как русский язык любым носителем и любым лингвистом.

Нужно сказать, что аналогичное явление было значительно раньше осознано и осмыслено англоязычным сообществом. Активная колонизаторская политика Великобритании привела, как известно, к распространению английского языка практически по всему миру. И в лингвистике, занимающейся проблемами английского языка, возникло плохо переводимое понятие “Englishes”, или “World Englishes”, так сказать «английские языки мира». Этой теме посвящены не только многочисленные научные монографии, но и учебники (см., например, Jenkins 2008), и научные журналы – *World Englishes* (Blackwell Publishing Ltd.), *Asian Englishes* (ALC Press Inc.). Группа «новых английских» (New Englishes – определение термина см., например, в Jenkins 2008: 22) насчитывает несколько десятков вариантов, распространенных по всему миру: в Нигерии, Кении, на Карибских островах, в Тринидаде, Индии, Сингапуре, в Австралии и Новой Зеландии.

Наше пренебрежение региональными вариантами речи, существующими в разных частях России и вне ее¹, отчасти связано, наверное, со свойственным любому носителю языка ощущением своих исключительных прав на владение этим языком и неприязню к отклонениям от того, что он считает правильной речью. Эпизод, рассказанный в начале этой статьи, говорит о том, что от этого чувства несвободны даже лингвисты. Между тем «средний носитель языка» отвергает с такой же неприязню любое отклонение от стандарта – например, предложенные на занятиях фрагменты диалектного текста, которые привели бы в умиление филолога, оцениваются студентом-менеджером как «неграмотные» и даже «китайские».

Обсуждая статус «новых английских», Генри Уиддоусон (Widdowson 1994), теоретик и практик преподавания английского языка как иностранного, указывает на то, что стандартный (= литературный) английский – это не просто средство коммуникации, но и символическая собственность определенного сообщества, выражение его идентичности, его законов и ценностей. Покушение на стандартный английский означает для его носителей ослабление того, что он олицетворяет: безопасность этого сообщества и его институций. Между тем, говорит Г. Уиддоусон, «право собственности» на английский язык находится в прямом противоречии с его международным статусом: если язык служит коммуникативным нуждам многих различных сообществ, естественно ожидать от него разнообразия форм. Международный язык не может иметь одного «хозяина»...

На сегодня дагестанский вариант (или дагестанские варианты) русского языка функционирует лишь в устной речи и, в некоторой степени, в интернете и на телевидении. Известно, что значимым порогом в развитии языкового варианта является его переход в письменную форму: до тех пор пока отличия существуют только в устной речи, можно при желании не замечать его существования. Имеется, однако, некий фактор, который может изменить вектор развития «нового русского» самым значимым образом. Не стоит забывать о том, что, помимо коммуникативной, одна из важнейших функций языка – самоидентификация. Как справедливо отмечено в книге Дэвида Кристала (Crystal 2009: 175), мотивы существования стандартного английского языка отличаются от мотивов существования его локальных вариантов: если основная функция первого – обеспечивать взаимопонимание, то вторые нужнее для другого: язык является важнейшим средством самоопределения, идентификации себя как представителя определенной социальной группы. Для сегодняшней городской дагестанской молодежи это становится проблемой: они не ощущают себя русскими, в них не видят русских окружающие. Между тем языки, необходимые для определения собственной этничности, утрачены. На наш взгляд, нельзя исключить такого развития ситуации, когда «обрусевшие» городские дагестанцы начнут осознанно культивировать и поддерживать региональные особенности своей русской речи просто потому, что она окажется единственным языковым маркером их этнической принадлежности (эта тенденция уже намечается на дагестанских интернет-форумах). Не будем забывать о том, что ряд «новых английских» начинают занимать те социальные сферы, которые еще недавно казались прерогативой стандартного английского: например, так называемый Singlish, он же сингапурский вариант английского, является языком многих телевизионных программ, сериалов и комедий. Пренебрегая изучением «новых русских», мы не только рискуем упустить интереснейшее языковое явление, но и недооцениваем важный социальный процесс, происходящий в среде одного из самых быстро растущих населений России.

Предлагаемым ниже очерком мы хотим внести вклад в исследование региональных вариантов русского языка. Материал для него не собирался специально, поэтому работа не может претендовать на необходимую полноту с лингвистической и социологической точек зрения. Тем не менее, мы надеемся на то, что она может вдохновить лингвистов на исследования русской речи такого типа.

¹ См., однако, работы Иванов 1990, Кибрик 1998, Земская 2001, Протасова 2004.

2. Статья является попыткой описания лингвистических особенностей русской речи одной из этнических групп Дагестана. Все рассматриваемые ниже примеры взяты из интервью на социолингвистические темы, записанных одним из авторов в селении Арчиб Чародинского района Республики Дагестан. Селение находится в горах (2100 м над уровнем моря) и считается глубинкой даже по меркам горного Дагестана.

В ауле говорят на арчинском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи), общее число носителей которого не превышает 1500 человек. На сегодняшний день арчинский является единственным языком, на котором общаются между собой жители селения. Хотя все взрослые, за редкими исключениями, помимо родного языка владеют аварским и русским, дети не говорят на этих языках до тех пор, пока не начинают ходить в школу (о языковой ситуации в Арчибе см. Добрушина 2007). Русский язык учат в школе, на нем ведется преподавание практически всех предметов в средних классах. Хорошее знание русского языка, как правило, появляется у арчинцев уже после окончания школы – когда они начинают покидать пределы селения, уходя в армию или получая профессиональное образование. Таким образом, русская речь арчинцев – это речь людей, для которых русский язык является вторым, а не первым языком. Важно иметь в виду, что большая часть использованных записей представляет собой разговоры с учителями местной школы. Совершенно свободно владеющие русским языком, нередко получившие университетское образование и использующие русский язык в своей профессиональной деятельности, они, тем не менее, обладают целым рядом специфических особенностей речи, отличающих ее от литературной.

Скажем сразу, что недостаток детальных исследований русского языка Дагестана не позволяет нам сделать выводы о том, как соотносится описываемый нами идиом с вариантами русского языка, распространенными в других частях республики. Можно предположить, что русская речь носителей других дагестанских языков имеет отличия от того, что удалось заметить нам. Свои особенности, вероятно, обнаружит и язык городов и, в частности, дагестанцев, которые являются носителями именно городского варианта русского языка; это своего рода наддиалектный вариант.

Приводимые ниже наблюдения носят предварительный характер в силу ограниченности корпуса, которым мы на настоящий момент располагаем. Мы ставим перед собой задачу лишь продемонстрировать на конкретных примерах некоторые типы взаимодействия двух грамматик, а не исчерпывающим образом охарактеризовать русскую речь арчинцев. Кроме того, мы в первую очередь обращаем внимание на морфологические и морфосинтаксические особенности этого варианта русского языка и почти не анализируем ни собственно синтаксические свойства русской речи арчинцев (синтаксические особенности русской устной речи вообще изучены недостаточно для того, чтобы проводить такое сравнение), ни ее лексические особенности, ни чисто фонетическую интерференцию (например, произнесение русского *x* как увулярного; для детальной характеристики фонетических особенностей необходим инструментальный анализ). Однако начнем мы все же с небольшого фонетического наблюдения².

² Русские примеры приводятся в орфографической записи. Арчинские примеры приводятся в фонематической транскрипции, близкой к принятой в (Кибрик и др. 1977), отсюда же взяты и арчинские примеры. Для большей прозрачности грамматической структуры высказывания арчинские примеры сопровождаются глоссами: поморфемным переводом, в котором лексическим морфемам сопоставлены русские лексемы, а грамматическим морфемам – сокращенные обозначения грамматических категорий. Приведем список грамматических глосс: 1 первый (мужской) класс, 2 второй (женский) класс, 3 третий (неличный) класс, 4 четвертый (неличный) класс, ANTE конверб (деепричастие) предшествования, ATR адъективизатор, AUX вспомогательный глагол в аналитическом обороте, CMPR компаратив – сравнительный падеж, CVB показатель общего конверба (деепричастия), DEP зависимый член в аналитическом обороте, EL элатив - движение вовне пространства (обозначенного основой), EMPH эмфатическая частица, ERG эргатив (падеж деятеля), EVID заглазность (непрямая засвидетельствованность), GEN родительный падеж, NPL лично-множественный класс, IN локализация ин - нахождение в ориентире, INF инфинитив, IPFV основа несовершенного вида, NEG отрицание, NMLZ номинализатор, NPL нелично-множественный класс, OBL

2.1. **Лексические долготы.** В речи арчинцев нередко встречаются удлинённые гласные, которые на первый взгляд производят ощущение эмоциональной, экзальтированной речи – например, *давноооо*, *большоооо* и т.п. Ср. следующий пример из текста:

(1) Ну, мама по-аварски говорила **тогдааа** еще, когда мы маленькие были...

(2) Утром **рааано** отсюда вышла. После обеда туда заходили [= приходили]. На этот день там ночевали. На следующий день утром рано на базар, **опяааать** оттуда.

Рискнем предположить, что это ощущение неверно. Как и в русском языке, в арчинском одна из центральных функций долготы – это экспрессивность. Однако в арчинском эта экспрессивность часто лексикализована – целый ряд лексем «склеены» с фонетической долготой (ср. Кибрик и др. 1977, 1: 214-215). Долгота характерна в первую очередь для лексем, выражающих высокую степень признака, например, *horōk* ‘давно’, *ōk’ur* ‘медленно’, *bōnis* ‘немного’, *t’inna* ‘мало’, *dōlz(u-)* ‘большой’, *bēxu* ‘быть высоким’, *lāxə* ‘быть длинным’, *tīniš* ‘оттуда издалека’, *ik’en* ‘все’, хотя присутствует и в нейтральных лексемах, где она, возможно, мотивирована исторически, например: *χarāši* ‘назад, после, начиная с’, *līc’i* ‘осколок камня’ и др.³ Ср. пример лексикализованной долготы в арчинском:

(3) dozja, teb **harāši** edi-t̄-ib noḡdor
дедушка этот.PL раньше NPL.быть.PFV-ATR-ATR.PL дом.PL

ʒelež-ib biq’-mul-čaj a-r-ši
быть.неудобным-ATR.PL место-PL-OBL.IN NPL.сделать-IPFV-DEP

edi-li, qI-em-mul i-t̄ut mač’aj
NPL.AUX.PFV-CVB скала-PL NPL.быть-ATR-4 место.IN

Дедушка, раньше дома строили в неудобных местах, там, где были скалы?

(4) wallah, bo-li, tu-w-mi-n lo-wu k’a, **horōk-ij-w**u
клянусь сказать.PFV-EVID тот-1-OBL-GEN сын-и 1.умереть.PFV давно-<1>EMPH
Клянусь, говорит, его сын умер, давно, <...>.

(5) “jaša tu-w lo to-r qart-li k’i-s uw-qi,
теперь тот-1 парень тот-2 ведьма-OBL(ERG) 1.умереть-INF 1.сделать.PFV-POT
k’olma-t̄u tu-w **χarāši** w-ēl-t’u”
другой-ATR.1 тот-1 назад 1-приходить.POT-NEG
«Теперь ведьма убьет этого парня, и он не вернется.»

Заметим теперь, что подвергшаяся в (1) удлинению русская лексема *тогда* в этом контексте сближается по смыслу с характеризующимися лексической долготой арчинскими лексемами *harāši* ‘перед, раньше’ и *horōk* ‘давно’ в (3) и (4), а удлинённая в

косвенная основа именных частей речи, PFV основа совершенного вида, PL множественное число, POT основа потенциалиса, REFL рефлексивная частица, SUP локализация супер - нахождение на поверхности ориентира. Точка в строке глоссирования обозначает склеенность двух категорий в одном показателе (например, косвенная основа и класс), в том числе нулевое выражение одной из них (например, нулевое выражение четвертого неличного класса глагольной формы), а угловые скобки <> - инфиксальный показатель.

³ Кроме того, долгота в некоторых случаях бывает обусловлена морфонологически.

(2) лексема *опять* в данном контексте употреблена не собственно в значении ‘снова’, а в значении ‘обратно’ и по смыслу идентична лексически удлинённой *χarāšī* ‘назад, обратно’ в (5). Поэтому мы предполагаем, что долгота в русской речи арчинцев (например, в 1 и 2) мотивируется не собственно экспрессивной функцией, а наличием лексической долготы в близких по смыслу арчинских словах. При этом нет никаких оснований считать, что говорящий по-русски арчинец устанавливает между арчинскими и русскими лексемами жесткие отношения соответствия; вполне вероятно, что они устанавливаются спонтанно в процессе порождения высказывания, что еще более затемняет лексический характер долгот – одна и та же русская лексема (например, *тогда*) будет в одном контексте произноситься с долготой (там, где она близка к значению ‘давно’), а в другом – без. У носителя литературного русского языка ощущение экспрессивности этой долготы поддерживается тем, что во многих случаях долгота арчинских слов, хотя и носит лексический характер, в конечном счете мотивирована именно экспрессивной функцией.

2.2. **Отсутствие предлога.** В текстах записанных интервью часто встречаются конструкции, в которых норма требует предлога, но предлог отсутствует. Это нельзя объяснить только тем фактом, что предлоги нехарактерны для нахско-дагестанских языков в целом. В русской речи арчинцев опускаются лишь некоторые предлоги (в первую очередь *в*, реже *с*, несколько спорных контекстов с опущением предлога *на*), в то время как другие предлоги – *от*, *у*, *из*, *для* – всегда сохраняются. Ср.:

(6) *Даже Кумухе многие жили у нас там, они работали там.*

(7) *Они говорили хорошем смысле.*

(8) *<...> я вот подружилась, подружилась аварцами, легко подружиться аварцами могла.*

(9) *Вот когда я была курсах повышения там были китайцы, которые жили в Америке <...>*

Отклонения от литературной нормы не коррелируют с большей или меньшей частотностью предлога – среди частотных предлогов встречаются колеблющиеся между нормой и опущением (собственно, только *в*), предлоги с очевидным преобладанием нормативных употреблений (*с*) и, наконец, предлоги, никогда, насколько можно судить из имеющегося материала, не позволяющие опущения (*у* или *из*). Менее частотные предлоги ни в одном из доступных нам контекстов не опущены. Таким образом, здесь вряд ли можно говорить о большей или меньшей освоенности предложной грамматики русского языка арчинцами.

Опущение предлога определенным образом связано с контекстом: наиболее характерно опущение предлога *в* в сочетании с локальными топонимами, также оно происходит в обстоятельственных оборотах времени, несколько раз встретилось опущение *в* с формами *школу*, *классе*. Более точные статистические выводы трудно сделать ввиду недостаточного объема корпуса. Что касается предлога *с*, он был опущен лишь в четырех случаях из 24, причем только в значении совместности или симметричности (*подружиться* [с], *разговаривать* [с]). Другие контексты (*пришли с подарками*, *сто с чем-то*, *с Дусраха*) без предлога нам не встретились. Кроме того, есть ощущение, что опущению предлога может мешать его «слитность» с предложной формой в русской конструкции (**ними*, **нею*), хотя, строго говоря, для этих выводов у нас тоже недостаточно текстовых данных. А вот с формальной структурой предлога опущение, по-видимому, не связано – во всяком случае, не подлежат опущению не только, как в

принципе можно было бы предположить, «слоговые» предлоги *у, из*, но и «неслоговой» *к*, в этом отношении формально близкий *к в* и *с*.

Несмотря на отсутствие статистики, можно сформулировать некоторые предварительные предположения о причинах опущения этих двух предлогов.

Предлог *с* может опускаться потому, что соответствующее значение по-арчински передается показателем специального падежа совместного действия (комитатива) *-ṭi*. Арчинский комитатив сочетается почти исключительно с именами лиц (также с названиями домашних животных) и не употребляется или почти не употребляется в контекстах типа *пришли с подарками*. Поскольку собственно творительного падежа в арчинском языке нет (для кодирования роли инструмента используется тот же падеж, что и для агенса, то есть эргатив), употребление предлога *с* воспринимается как избыточное, и беспредложный творительный падеж становится средством кодирования совместности.

Сходное объяснение можно предложить и для опущения предлога *в*. Пространственные значения в языках Дагестана также выражаются чаще всего морфологически, а не сочетанием со служебными словами, как в русском языке. (Русским предложным конструкциям в арчинском языке структурно соответствуют послеложные конструкции, но употребляются они значительно реже). В следующем примере значение, выражаемое по-русски предложной конструкцией *с груди*, передается по-арчински одной морфологической формой – формой супер-элатива, то есть падежа, обозначающего движение прочь с поверхности объекта.

(10) **χatum-li-ṭi-š** soṭ-or at'u-li, inžit aɾ'u-li,
грудь-OBL-SUP-EL бусина-PL NPL.резать.PFV-EVID мучение <2>сделать.PFV-CVB

ʒazab lo-li.
работа 4.дать.PFV-EVID

Сорвали с груди бусы и мучали, изводили ее.

Отметим также, что опущение предлога особенно характерно для топонимов. В арчинском языке они имеют особый статус: формой цитации для них является форма эссива (обозначение местонахождения), а не форма номинатива, как для обычных существительных. При этом эссив можно у таких лексем считать морфологически немаркированным. Например, название *χIere* ‘Хере’ (центральный хутор селения) буквально значит ‘в Хере’. Это свойство характерно для локальных микротопонимов, но не для названий далеких крупных населенных пунктов, видимо, пришедших в арчинский язык через аварский; ср. в следующем примере морфологически немаркированную форму эссива у названия самого селения (*arša*) и райцентра Цуриб⁴ (*c'ura*) при морфологической оформленности пространственными показателями форм эссива от лексем *anži* ‘Махачкала’ и *moskow* ‘Москва’:

(11) **c'ura, inžil-l-a, moskow-l-a** aɔ'u beɕ'u-t'u-ṭu-b
в.Цурибе Махачкала-OBL-IN Москва-OBL-IN <3>сделать.PFV мочь.PFV-NEG-ATR-3

ṣud arša lobur-čaj aɔ'u
суд в.Арчибе ребенок.PL-OBL.PL(ERG) <3>сделать.PFV

Суд, который не смогли сделать ни в Цурибе, ни в Махачкале, ни в Москве, сделали в Арчибе дети.

Другим важным фактом является то, что, как и творительный падеж, формы предложного и винительного падежей не находят прямых функциональных аналогов в

⁴ В принципе, в этих формах можно было бы выделять локативный показатель *-a*, но сути дела это не меняет, так как этот показатель присутствует во всех формах этих лексем.

арчинском языке. В каком-то смысле эти русские падежные формы оказываются пустыми функциональными слотами, которые могут быть закреплены за пространственными функциями и без предлога *в* – предлог оказывается с этой точки зрения избыточным. Данная гипотеза косвенно подтверждается тем, что в предложных конструкциях с теми падежами, которые имеют функциональные аналоги в арчинском (родительный, дательный), предлоги в нашем корпусе не опускаются.

Подчеркнем, что мы не имеем в виду, что предложный и винительный падеж в русской речи арчинцев используется исключительно в пространственной функции. В корпусе присутствуют и нормативные употребления винительного падежа для прямого дополнения или предложного падежа в сочетании с теми или иными предлогами (в том числе и предлогом *в*), причем таких употреблений явное большинство. Предлагаемая гипотеза призвана объяснить лишь (относительно редкие) случаи отклонения от нормы давлением грамматической структуры родного языка.

Таким образом, те значения, которые по-арчински передаются морфологическими средствами, в русской речи арчинцев также имеют тенденцию передаваться чисто морфологическими средствами, то есть беспредложными падежными формами. Достигается это за счет опущения предлога в соответствующей конструкции. Мы также предполагаем, что возможность такого опущения связана с отсутствием функционального аналога соответствующего падежа в арчинском языке – именно поэтому предлоги *в* и *с* могут опускаться, а предлоги *из* и *у* – нет.

2.3. Заглазность. Яркой чертой арчинских нарративов в русском варианте является употребление формы *оказывается*. В литературном русском языке эта форма близка к категории миратива⁵: она сопровождает информацию, которую говорящий расценивает как неожиданную.

(12) *Итак, ссора началась с разговора о семье. В процессе нервного обсуждения я сделала для себя небольшое открытие: оказывается, Ромка не считает меня особой высокоморальной и по этой самой причине мою кандидатуру в качестве будущей жены даже не рассматривает.* (Национальный корпус русского языка: «Даша», №10, 2004)

В русской речи арчинцев *оказывается* используется явно иначе; часто встречаясь в нарративных текстах, оно не имеет миративного оттенка. Эта форма употребляется в рассказах о событиях, очевидцем которых рассказчик не являлся, – например, о событии, которое имело место до его рождения, как в (13) – то есть выражает значение заглазности, или косвенной засвидетельствованности (о косвенной засвидетельствованности см. Храковский, ред. 2007):

(13) *А это знаете, оказывается, был спор. Раньше люди через лакские горы на базар туда ходили и общались с лакцами. И вот как бы была проблема с дорогами. С аварцами поставить дорогу или через лакские горы с лакцами. Оказывается, там кто-то умный сказал, лучше с аварцами связываться, чем с хитрыми лакцами. И вот так, говорит, дорогу провели, и вот ту дорогу закрыли, и общение с лакцами прекратилось.*

Смещение функций *оказывается* в русской речи арчинцев может быть объяснено важной ролью, которую категория эвиденциальности играет в кавказских языках. Хотя в арчинском языке нет специализированной морфологической формы для выражения

⁵ Миратив, или адмиратив – грамматическая категория, предназначенная для того, чтобы сообщить, что информация кажется говорящему удивительной, неожиданной. О лексеме *оказывается* для выражения (ад)миративности см. Храковский 2007: 618-629.

заглазости, все пропозиции о событиях, непосредственным свидетелем которых рассказчик не является, строятся особым образом. В обычной, незаглазной предикации используется синтетическая форма прошедшего времени, в то время как заглазный режим выражается опущением вспомогательного глагола в аналитической конструкции, которая в арчинской грамматике называется перфектом I (Кибрик и др. 1977, 2: 195).

Перфект I образуется сочетанием конверба (деепричастия) на *-li* с настоящим временем глагола ‘быть’, выступающего в роли вспомогательного:

(14) to-t l'al uw-t̄u-t č'em-n-a, to-t, ij̄t̄u-b ba-k'a-li,
 тот-4 ягненок 4.сделать.PFV-ATR-4 время-OBL-IN тот-4 мать-3 3-умереть.PFV-CVB

eχu-li edi
4.остаться.PFV-DEP 4.AUX.PFV

Когда тот ягненок родился, его мать умерла, и он остался (один).

В заглазной конструкции вспомогательный глагол опускается, и сказуемое главной предикации оказывается выражено самостоятельным деепричастием, что в других контекстах невозможно. (Для наглядности в поморфемном переводе такие деепричастия глоссируются не CVB, как обычные деепричастия, и не DEP, как деепричастия в составе аналитической конструкции, а EVID – эвиденциальная форма.) Заглазные конструкции обязательны в некоторых типах нарративов – например, в сказочных текстах или рассказах о далеком прошлом; в прямой речи они встречаются реже, чем незаглазные.

Ср. следующие два примера. В первом случае рассказчик (автор текста) сообщает об убийстве; так как он рассказывает историю, свидетелем которой он не являлся, употреблена заглазная конструкция. Во втором случае рассказчик цитирует слова персонажа, который был участником этого события – самого убийцы. Поскольку используется прямая речь, употреблена не заглазная форма, а синтетическая форма прошедшего времени.

(15) ħib-t'u lo aču-li, χīta χir ošu-t
 три-4.REFL ребенок 4.убить.PFV-EVID тогда потом другой-4

ħib-t'u dōl̄zu-t adam aču-li
 три-4.REFL большой-4 человек 4.убить.PFV-EVID
 <Он...> *убил трех детей, а потом остальных, трех взрослых людей убил.*

(16) jella bo-li tu-w bošor-mu: “zari a**ḅ**ču,
 так сказать.PFV-EVID тот-1 мужчина-OBL.1(ERG) я.ERG <HPL>убить.PFV

bo-li, jemim marči, d-is ħonnol di-k'i-s
 сказать.PFV-EVID этот.PL все 2-я.GEN woman 2-умереть.SG-INF

aḅu-kul-l-a”
 <2>сделать.PFV-NMLZ-OBL-IN

Так сказал этот мужчина: «Я убил, - сказал, - их всех; убил за то, что моя жена была убита».

Ср. также следующий пример, где представлены сразу три разные конструкции:

(17) “tij-maj “un lo-qi” bo-li edi”
 TOT.PL.OBL-OBL.PL(ERG) ты(ERG) NPL.дать.PFV-POT сказать.PFV-DEP 4.AUX.PFV

bo”, - **bo-li**.
 сказать.PFV сказать.PFV-EVID

Клянусь, - сказала она, - они сказали, что ты сказал, что я отдам, - сказала она.
 (Букв. «Они «ты отдашь» сказал_{давнопрошедшее} сказали_{засвид.}, сказала_{незасвид.} она.)

Говорящий рассказывает о событии, свидетелем которого он не являлся – высказывании женщины – и маркирует его как заглазное (*boli*). Женщина при этом пересказывает своему мужу слова других людей, знакомых мужа; эти слова были адресованы ей, а значит она являлась свидетелем события этого высказывания, поэтому оно выражается формой синтетического прошедшего времени (*bo*). Сами пересказываемые слова являлись цитированием речи мужа, которая имела место до момента речи жены и знакомых мужа, поэтому вложенный глагол речи маркирован как давнопрошедшее – аналогично перфекту I, но со вспомогательным глаголом в прошедшем времени (*boli edi*). Этот пример показывает, насколько последовательно выражается в арчинском языке категория заглазости, то есть противопоставление прямой и косвенной засвидетельствованности события.

Таким образом, появление в русской речи арчинцев конструкций с *оказывается* объясняется следующим образом. Для родного языка говорящих выражение категории заглазости является грамматически обязательным. В русской норме нет специальных средств для выражения данной категории. Это заставляет арчинцев искать ее «заместитель» среди функционально близких значений. Они выбирают русскую лексему, выражающую митаривность, то есть категорию, которая типологически близка к заглазости. Можно было бы ожидать, что в этой роли выступит русская конструкция с *говорят*: типологически еще более близкая к заглазости категория репортатива, то есть передачи информации с чужих слов. Однако в арчинском языке имеется независимая от заглазости категория репортатива, базирующаяся как раз на глаголе речи, что мешает говорящим на русском языке арчинцам установить «заместительное» отношение русский репортатив *говорят* ↔ арчинская заглазность с деепричастием на *-li*.

2.4. Колебания возвратности. В русской речи арчинцев заметна неустойчивость употребления русских возвратных глаголов: в контекстах, требующих возвратности, глаголы употребляются без возвратности (иногда это приводит к созданию не существующих в норме форм), и наоборот.

(18) *Если я здесь **родила** (=родилась), отец-мать арчинцы, представляешь, я арчибском языке **перее** говорила, как же я аварка, скажи?*

(19) *Одном месте <...> связь **бывает**, в другом месте не бывает, возможно что в Цурибе родился ребенок, а в Хилихе никак не **дозвонили**, и там не знают. Если я пойду там сообщу, они что-то большой подарок дают.*

(20) *Необразованные наши вот арчинки вот **попадают** в больницу.*

Колебания объясняются тем, что для нахско-дагестанских языков категория возвратности нехарактерна. Таким образом, здесь мы имеем ситуацию, обратную рассмотренной выше для категории заглазости. Если в случае заглазости в арчинском языке имеется грамматически обязательная категория, отсутствующая в русском языке, так что арчинцам приходится специализировать в этой функции другую доступную форму, то категории, функционально аналогичной возвратности, в арчинском языке

просто нет, поэтому приближение к норме в этом фрагменте грамматики оказывается особенно проблематичным.

2.5. **Сравнительная конструкция.** Несколько иначе обстоит дело со сравнительной конструкцией. В арчинском, как и в других нахско-дагестанских языках, морфологическая категория сравнительной степени прилагательных и наречий отсутствует. Сравнительность выражается особыми оборотами.

При сравнении признака у двух объектов ('X выше / старше и т.п. Y-а') существительное, обозначающее эталон сравнения, ставится в форму специального падежа, основной функцией которого как раз и является выражение сравнения (сравнительный падеж на *-χur*).

- (21) **jemim-me-χur** χ̄al-lu zon i<w>ti-li hani
 этот.PL-OBL.PL-CMPR быть.плохим-ATR.1 я <1>стать.PFV-EVID что
Что я, хуже, чем они?

При сравнительной оценке двух ситуаций ('P предпочтительнее Q') ситуация - эталон сравнения выражается предикативным именем или финитной предикацией, вводимыми союзом *kelaw* 'чем'; при этом в главной предикации значение сравнительной оценки либо никак не выражается, либо используется статив (морфологически обособленный класс предикатов) со значением 'быть лучше'.

- (22) ja-b ʔummar **kelaw**, bo-li, k'i-s χ_oali,
 этот-3 жизнь **чем** сказать.PFV-EVID 1.умереть-INF 1.быть.лучше
 bo-li
 сказать.PFV-EVID
Чем такая жизнь, - сказал он, - лучше умереть.

- (23) “zon du-l'a-s **kelaw**, e<r>ti-qi” - bo-li
 я 2-убить-INF **чем** <2>стать.PFV-POT сказать.PFV-EVID
«Не надо меня убивать (букв. чем ты меня зарежешь, лучше) я соглашусь <стать твоей>», — сказала она.

- (24) wallah bo-li āku ke-l-kan f̄ak o<w>χa-s **kelaw**,
 клянусь сказать.PFV-EVID заря 4.стать-INF-ANTE рядом <1>лечь-INF **чем**
 zari ja-b dogi bu-l'u-qi bo-li
 я.ERG этот-3 осел 3-убить.PFV-POT сказать.PFV-CVB
«Валлах, — сказал он, — чем лежать с этим ослом до утра, лучше я его прирежу».

В локальном варианте русского языка доминирует стратегия, структурно аналогичная второй арчинской стратегии, причем используется ближайший аналог арчинского *kelaw* – союз *чем*. В результате русский союз *чем* выступает в необычных с точки зрения нормы конструкциях, прозрачно отражающих синтаксические контексты, характерные для арчинского *kelaw*, в том числе без сравнительных форм прилагательных и наречий.

- (25) *Ну аварскую тоже конечно нацию мы очень уважаем, раз я аварка? Кто же такая, если аварцев не любить? Не знаю. Лакцы умные [=умнее], чем аварцы.*

(26) *Они хотели бы знать аварский язык. Они говорят - хотели бы **чем арчибский** даже аварский чтобы знали, с друзьями, говорит, мы говорили бы по-аварски.*

(27) *Конечно, Марина, **чем русский язык, лучше**, наверно, знает английский.*

В данном случае мы имеем дело с перестройкой синтаксической конструкции по модели, структурно имитирующей первый язык билингвы.

2.6. **Употребление указательных местоимений.** Менее явно, но все же отклоняются от литературной нормы некоторые примеры употребления указательного местоимения *этот, эта, это*. Ср. следующие контексты, в которых русское местоимение плохо объяснимо исходя из правил организации литературного дискурса, так как референт появляется в тексте в первый (и, собственно, единственный) раз:

(28) *В районе у нас села по-разному говорят. Вот я <...> ездила недавно за **этими документами**, я в магазине разговариваю с одной женщиной, она говорит - ты откуда. Я говорю, из Арчиба. Нет, говорит, ты не из Арчиба, ты из Дусраха.*

(29) *В этом году тоже хотели мы побрить, просто это апреле холодные только дни были, а в мае уже **этот Магомед** умер, после этого оставили.*
[фраза произнесена женой умершего, в их доме]

Особенно характерен последний контекст, который, как мы считаем, калькирует употребление указательного местоимения *tow* в арчинском языке.

Из типологии артикля известно, что в некоторых языках артикль делает именную группу определенной и поэтому не сочетается с теми именными группами, где определенность уже выражена (например, с именами собственными или с именными группами, содержащими указательное или посессивное местоимение). Так устроено большинство европейских артиклей, хотя, например, итальянский и разговорный французский несколько отклоняются от этого прототипа. С другой стороны, существуют языки, в которых артикль маркирует определенную именную группу вне зависимости от того, «нужен» ли он ей для выражения определенности. Так функционирует, например, армянский артикль.

И в арчинском, и в русском разговорном языке указательное местоимение, помимо действительных, имеет и другие функции, в том числе и близкие к артиклю. Однако если в русском языке указательное местоимение *этот* используется в контекстах, обычных для европейских артиклей, то арчинское указательное местоимение *to-w / to-r / to-t*, по-видимому, развивается в артикль «армянского» типа, то есть употребляется в том числе в именных группах, которые и без этого артикля являются определенными:

(30) un-t'aw, bo-li, ja-r d-is ʃonnol da-q'c'a-s
ты-кроме сказать.PFV-EVID **этот-2** 2-я.GEN женщина 2-согласиться-INF

aɾu beɕ'u-t'u bo-li
<2>сделать.PFV мочь.PFV-NEG сказать.PFV-EVID

«Никто, кроме тебя, не мог помирить меня с этой моей женой» - сказал он.

Оговоримся, что сочетание указательного местоимения с именем собственным в русском языке не является аграмматичным (*Этот Германн, — продолжал Томский, — лицо истинно романическое*). Однако с точки зрения даже разговорной нормы его

использование в примере (29) кажется прагматически немотивированным. Представляется разумным выводить его из структурно аналогичных употреблений указательного местоимения *to-* в арчинском языке (пример 30). Если это предположение верно, мы видим здесь еще один тип контактного явления: билингв отождествляет элемент неродного языка с функционально близким ему элементом родного языка, а затем проецирует на первый поведенческие свойства последнего, что приводит к видимым отклонениям от нормы неродного языка.

2.7. Неустойчивость контактных явлений. Подчеркнем, что описанные выше разнообразные контактные явления в арчинском варианте русского языка не носят последовательного характера. Не только речь одного арчинца может быть ближе к литературной норме, чем речь другого арчинца, но даже одним носителем и в пределах одного контекста может употребляться как литературный, так и «контактный» вариант той или иной конструкции. Ср.:

(31) *В этом году тоже хотели мы побрить, просто это, **апреле** холодные только дни были, а в **мае** уже этот Магомед умер, после этого оставили.*

(32) *Необразованные наши вот арчинки вот **попадают** в больницу. <...> Вот **попадают** в больницу, вот идут же люди, а они по-арчински что-то говорят...*

В то же время все перечисленные явления встретились в текстах разных говорящих (опущение предлога – у восьми интервьюируемых, колебания в возвратности – у пяти).

Кажется, что в такой ситуации было бы неточно говорить о смещении нескольких различных кодов («литературного» и «регионального») – слишком близки эти системы и слишком размыта граница между ними. Точнее сказать, что говорящий по-русски арчинец постоянно ощущает гравитацию нескольких центров: нормы (в том виде, в котором она ему известна из средств массовой информации и книг) и грамматики родного (возможно, также и аварского) языка. Есть и третий центр притяжения – «общедагестанская» норма русского языка как она представлена, например, в больших городах Дагестана.

Можно предположить, что городской вариант русского языка, обладающий с одной стороны, значительно более обширной сферой использования и, с другой, представляющий собой перекресток целого ряда родственных, но тем менее значительно различающихся между собой языков, обладает более регулярными чертами, чем арчинский русский. При отсутствии последовательных исследований общедагестанского русского, трудно однозначно охарактеризовать конкретные ненормативные контексты как мотивированные структурой собственно арчинского языка. С другой стороны, только через исследования, направление которых намечено настоящей статьей, можно прийти к пониманию этой региональной формы и ее отличий как от общерусской нормы разговорной речи, так и от других дагестанских вариантов русского языка.

Литература

- Беликов В.И., Крысин Л.П. 2001. Социоллингвистика. М., Изд. РГГУ.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. 2004. Социоллингвистика и социология языка. Учебное пособие. СПб.
- Добрушина Н.Р. Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка. Социологический журнал, 2007 г., № 1. <http://www.socjournal.ru/article/681>
- Земская Е.А., ред. 2001. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Изд. Языки русской культуры.
- Протасова Е.Ю. 2004. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб.: Златоуст.

Иванов В.В., ред. 1990. Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М., Наука.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянная И.П., Самедов Д.С. 1977. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. I. Лексика. Фонетика. Т. II. Таксономическая грамматика. Издательство Московского университета.

Кибрик А.А. 1998. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинильчик, Аляска. В: В.Ф. Выдрин и А.А. Кибрик (ред.) Язык. Африка. Фульбе. Москва: Европейский Дом.

Храковский В.С., ред. 2007. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Спб.: Наука.

Храковский В.С. 2007. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. // Храковский В.С., ред. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Спб.: Наука.

Crystal, David. 2009. English as a global language. Cambridge University Press.

Jenkins, Jennifer. 2008. World Englishes. A resource book for students. London: Routledge.

Thomason, Sarah G. and Terrence Kaufman. 1988. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press.

Widdowson Henry G. 1994. The Ownership of English. TESOL Quarterly, 28/2. 377-389.